

Почему Иран не хочет участвовать в войне

Иран избегает прямых военных действий против Израиля или США из-за внутренних проблем: поиска преемника престола и ядерных амбиций

Война в Газе сейчас дошла до этапа, которого многие боялись, перерастая в конфликт в Ливане, Сирии, Ираке и в Красном море. После ударов США по хуситам в Йемене в январе все больше растут опасения относительно потенциального разрастания конфликта в регионе.

На каждой из этих арен присутствует Иран, и вопрос в том, вступит ли Тегеран и его мощная армия в более широкую войну.

Иран много лет предоставлял финансирование, вооружение и обучение ХАМАСу и «Хезболле», которые воюют с Израилем, а также хуситам, которые атаковали корабли в Красном море. А недавно Иран и сам нанес удары в ответ на смертоносную бомбардировку, утверждая, что целится по шпионской штаб-квартире Израиля в Ираке и по Исламскому государству в Сирии. Также были нанесены взаимные удары с Пакистаном вдоль общей границы.

Несмотря на то, что Иран явно демонстрирует свою военную мощь на фоне все более широких беспорядков в регионе, это не означает, что его лидеры хотят, чтобы Иран втянули в более широкую войну. Они об этом заявили публично, а что еще важнее, они тщательно избегают прямых военных действий против Израиля или США. Похоже, сейчас режим настраивается на свою давнюю стратегию прокси-войны: они поддерживают группы, которые борются с врагами Ирана, и пока ни Израиль, ни Соединенные Штаты не проявили интереса к прямым ответным ударам.

Такое нежелание Ирана непосредственно участвовать в крупных конфликтах связано с внутренними проблемами, которые у режима в приоритете. Немолодой верховный лидер, аятолла Али Хаменеи,

стремится сохранить свое наследие – преодолевая политические препятствия, чтобы назначить преемника-единомышленника, стремясь обеспечить наличие ядерного оружия и выживание режима как исламистского паладина, господствующего на Ближнем Востоке. Для всего этого нужно избежать участия в более широкой войне.

Если режим не организует процесс наследование престола как положено, западные и внутренние враги воспользуются вакуумом лидерства, чтобы свергнуть молодую теократию

Правительство аятоллы Хаменеи пытается контролировать его политическую оппозицию с 2022 года, когда в Исламской республике произошло, возможно, самое серьезное восстание со времен революции. Смерть Махсы Амини, которую арестовала полиция нравов, вызвала широкое разочарование в лидерах страны и положила начало национальному движению, которое явно направлено на свержение теократии. Силовики мулл жестокими методами вернули себе власть над улицами и школами, хорошо понимая, что даже неорганизованные протесты могут стать угрозой для режима. Иран также столкнулся с экономическим кризисом из-за коррупции, хронической фискальной неэффективности и санкций, наложенных из-за ядерных нарушений.

Даже при менее тяжелых обстоятельствах наследование престола в Иране было бы непростой задачей. Единственный другой случай, когда Исламской республике приходилось выбирать нового верховного лидера с момента ее основания в 1979 году, произошел в 1989-м, когда умер аятолла Рухолла Хомейни, так называемый отец революции. В то время аятолла Хаменеи переживал, что если режим не организует процесс как положено, западные и внутренние враги воспользуются вакуумом лидерства, чтобы свергнуть молодую теократию.

Сейчас Ассамблея экспертов Ирана – орган, состоящий из 88 пожилых священнослужителей – конституционно уполномочена избирать следующего верховного лидера. Об этом процессе многое держат в тайне, но, по последним сообщениям в иранских СМИ, комиссия из трех человек, в состав которой входят президент Эбрагим Раиси и члены Ассамблеи аятолла Ахмад Хатами и аятолла Рахим Тавакол, проводит проверку кандидатов под наблюдением аятоллы Хаменеи. Хотя процесс и может выглядеть как открытый

поиск, учитывая раздробленную политическую среду, он почти наверняка служит лишь постановкой, чтобы назначить на эту должность очередного революционера-консерватора.

*Когда перспектива
создания бомбы так
близка, аятолла Хаменеи
вряд ли рискнет
потерять эти
достижения,
подвергшись удару по
промышленным
мощностям*

По мнению аятоллы Хаменеи, такой религиозный сторонник жесткой политики был бы единственным кандидатом, способным продолжить стремление Ирана к региональному доминированию или довести до конца другую ключевую часть его наследия: стремление обладать ядерным оружием. Пока внимание мира приковано к войнам в Украине и секторе Газа, Тегеран постепенно приближается к созданию бомбы: больше обогащает уран, строит усовершенствованные центрифуги и улучшает радиус действия и полезную нагрузку баллистических ракет. Когда перспектива создания бомбы так близка, аятолла Хаменеи вряд ли рискнет потерять эти достижения, подвергшись удару по промышленным мощностям.

Управляя поиском преемника престола и ядерными амбициями Ирана, аятолла Хаменеи, похоже, пока доволен тем, что позволяет арабским вооруженным формированиям на Ближнем Востоке делать то, за что им платит – и что учит делать – сам Тегеран. Так называемая ось сопротивления Ирана, в которую входят ХАМАС, «Хезболла» и хуситы, – стержень большой стратегии Исламской республики против Израиля, Соединенных Штатов и лидеров суннитских арабов, что позволяет режиму наносить удары по соперникам, не используя свои силы и не рискуя собственными территориями. Различные ополченцы и террористические группы, которые поддерживает Тегеран, позволили ему опосредованно изгнать Америку из Ирака, поддержать семью Асада в Сирии, а 7 октября – помочь нанести чрезвычайно травматическую атаку на еврейское государство.

Пока поддерживаемые боевики наносят периодические ракетные удары от «Хезболлы» на северном фронте Израиля, подстрекают нападения на базы США в Ираке и препятствуют морскому судоходству в Красном море и Аденском заливе, Иран, вероятно, будет пытаться давлением заставить международное сообщество сдерживать Израиль. А стремление не расширять войну между

Израилем и Газой, которое до сих пор руководило американской и израильской политикой, означает, что ни Израиль, ни США, вероятно, не будут мстить Исламской республике – а только ее сторонникам.

Конечно, ХАМАС, который Израиль пообещал ликвидировать, является ценным для Ирана. Режим вложил время и деньги в группировку, и, в отличие от большинства помощников и союзников Исламской республики, ХАМАС является суннитом, что помогает шиитской теократии преодолеть межконфессиональную вражду в регионе. Освобождение палестинцев, которых иранские революционеры любят с тех пор, как Организация освобождения Палестины помогла им с восстанием против шаха в 1979 году, также является основой антиимпериалистической, исламистской миссии клерикального режима.

Но для аятоллы Хаменеи внутренний фронт всегда будет преобладать над региональными проблемами. В конце концов, если Израилю удастся достичь своей цели уничтожить ХАМАС, теократия, скорее всего, признает гибель группировки, пусть и неохотно.

Несомненно, по мере того, как Иран приобщается к большему количеству конфликтов – прямо или косвенно – увеличивается и вероятность, что из-за случайного или ошибочного удара насилие выйдет из-под контроля, а этого Иран как раз не хочет. История пронизана просчетами, и существует реальная вероятность того, что Иран может стать участником более широкого конфликта, которого сейчас пытается избежать.

Но верховный лидер Ирана так долго занимает свою позицию – дольше всех на Ближнем Востоке – именно благодаря своей удивительной способности сочетать воинственность с осторожностью. Пытаясь продвигать исламскую революцию за пределы своей родины, он понимает слабые и сильные стороны Ирана.

Другими словами, аятолла Хаменеи знает свои пределы и понимает, какое наследие ему нужно сохранить, чтобы революция пережила его самого.

(c) New York Times

Ройель Марк Герехт

Ройель Марк Герехт (Reuel Marc Gerecht) – научный сотрудник Фонда защиты демократий.

Рэй Такей

Рэй Такей (Ray Takeyh) – старший научный сотрудник Совета по международным отношениям.